

А. П. Чехов в дореволюционной периодике Дона: критико-библиографический обзор / Л.П. Громов; Ростовская гос. науч. б-ка им. К. Маркса. - Ростов-на-Дону, 1948. – С. 37-43

IV. Чехов и Таганрог

Тема «Чехов и Таганрог» часто затрагивалась в выступлениях таганрожцев в юбилейные дни 1910 г. В речах, лекциях, статьях подчеркивались любовь Чехова к родному городу, интимно-лирическое отношение таганрожцев к своему великому земляку и значение Таганрога в творческой жизни писателя.

В пылу чрезмерного «патриотического» увлечения некоторые таганрожцы теряли чувство меры.

Сотрудник ростовского «Южного телеграфа», отдавая «дань справедливости» таганрожцам за то, что они «далеко не индифферентно относятся к празднованию памяти Чехова» и «гордятся тем, что он из Таганрога», подметил одну особенность «патриотов» Таганрога: «В том, что Чехов вышел из Таганрога, видят превосходство как бы Таганрога перед другими городами».

Кроме Чехова, у таганрожцев были и другие основания для утверждения идеи о «превосходстве» Таганрога над другими городами или, по другому варианту, мечты о первенстве Таганрога. Оказывается, эти мечты обусловлены историческими причинами. Шиллер из Таганрога так говорит об этом: «Так как город основан Петром Великим, то мы еще тогда решили, что быть ему столицей многомиллионной России. Но это дело не выгорело... Мы затали обиду, но уже в душе своей признали себя аристократами-неудачниками... Прошло много лет. Мы уже начали забывать о своем высоком происхождении, как вдруг Таганрог полюбился Александру благословенному - и вновь заговорили о столице, и вновь воспрянули духом, переполнились надеждами. Но и тут пришлось потерпеть крушение. С той поры мы не перестаем мечтать о первенстве и- сокрушенно вздыхать о нашем печальном положении»

Особенности истории Таганрога привели, по мнению автора, к специфическому воспитанию «деятелей» в Таганроге: «В таком мечтательном духе воспитывались и наши деятели. О малых делах они и слышать не хотели, а большие не давались... Так сама атмосфера создает в Таганроге бездеятельных людей, способных лишь мечтать, но не работать».

Другой таганрожец, Н. Чужбинин, тоже считает, что Таганрог - «особенный город», не похожий на все остальные города. Таганрогской жизни всегда были свойственны «искания лучшего, недовольство окружающим», характерная черта таганрожцев - мечтательность. «Мечтой жило и живет местное общество» Некоторые таганрожцы, развивая эту смехотворную «теорию» о специфических особенностях Таганрога и его «деятелей», воспитанных в «мечтательном духе», распространяли ее и на Чехова-писателя. Так, Н. Чужбинин утверждал, что мечтательность Чехова родилась в атмосфере таганрогской «мечтательной» поэзии.

Н. Чужбинин противоречив в своих суждениях о таганрогской жизни. В другой юбилейной статье он отходит от романтизации этой жизни и более правдиво раскрывает истинный ее характер:

«Можно подумать, что для города, описанного в «Трех сестрах», образцом служил Таганрог. Тут были сестры... Тут они мечтали о Москве. Помню, как недавно возмутились женщины по поводу суда над «Анфисой». Этот суд оживил на короткое время общественную мысль. Женщины заговорили. Старались доказать, что им не чужды общественные, идейные интересы. Это была мечта. Где же эти интересы? Где эти женщины? Я их не видел. Я видел женщин пляшущих, играющих в карты, устраивающих спектакли и вечера. Но я не видел женщин, окрыленных идейными интересами... Да и не могут они быть там, где вовсе почти нет этих интересов - ярких, установившихся и вместо них в лучшем случае царит скука, смутное томление по неизвестному, и оно постепенно иссякает, - а в худшем, - жизнь сво-

дится к мелким и жалким интересам карт, пьянства, разврата. Как в городе «Трех сестер» Так романтические представления Н. Чужбинина о таганрогской жизни уживались с реалистическими замечаниями о подлинном лице буржуазно-обывательского Таганрога.

Интересные данные о таганрожцах и об отношении их к своему великому земляку приводит в «Арабесках» А. Б. Тараховский (Шиллер из Таганрога):

«Что такое Таганрог, с его скучным, равнодушным обществом, его однообразной жизнью, безразличием ко всему, что не касается личных, шкурных интересов? Что, казалось бы, могло привязывать великого писателя к своей серой родине, которая, к тому же, никогда не относилась к нему особенно восторженно. Пьесы его шли здесь' без особенного успеха и не делали сборов, даже и те, которые в других городах вызывали бурные восторги. Он сам, во время своих приездов сюда, тоже не встречал особенно яркого расположения. Здесь чествовали и принимали с большей или меньшей помпой разных лиц: и министров, и администраторов, и общественных деятелей. Но не было еще случая, чтобы чествовали писателя. И даже такой, выдающийся, единственный на всю Россию, не считая, конечно, Л. Н. Толстого, как Чехов, не удостоился этой чести от таганрожцев... Ни разу ему не устроили ни малейшего чествования, ни встречи, ни разу не было выражено даже благодарности за хлопоты о памятнике Петру Великому, о библиотеке.

И тем не менее, он любил Таганрог, можно сказать глубоко, безгранично. Это видно из его писем, из его постоянных забот о городе, из той чуткости, с какою он прислушивался ко всякому начинанию в городе, сейчас же на него реагируя. Он жадно читал и перечитывал все местные газеты».

После такой характеристики Таганрога и его обывателей вызывает недоумение та обида на «критиков» Таганрога, которую выразил тот же А. Б. Тараховский, подводя итоги празднования чеховского юбилея:

«Таганрог сделался героем дня, но, увы, печальным героем. Почему-то все писатели, точно сговорились, бранят наш город на чем свет стоит. Он и скучный, и печальный, и общество в нем угрюмое... и никакой жизни нет... Словом, хуже Таганрога нет на свете города! Что бы сказал А. П. Чехов, если бы он все это прочитал! Как бы огорчился наш великий земляк, относившийся с такою нежною любовью к родному городу, если бы увидел, что одновременно, в связи с возвеличением его таланта, его нравственных качеств, поносится Таганрог, так жестоко и так несправедливо... Для чего это пишется, я не знаю. Почему надо Таганрог представить в столь мрачном виде - не понимаю совершенно... Читать же неправду о дорогом и близком - особенно тяжело и больно...».

Известно, что привязанность Чехова к своему родному городу не ослепляла его так, как Шиллера из Таганрога; писатель видел подлинный облик Таганрога («Грязен, пуст, ленив, безграмотен и скучен Таганрог», - писал Чехов в 1887 г.), а наблюдения над таганрогской действительностью Чехов использовал, как материал для изображения пошлости обывательской жизни.

... В юбилейных речах и статьях видное место отводилось вопросу о таганрогских мотивах в творчестве Чехова. И по данному вопросу, наряду с объективно-правильными суждениями, находим много субъективных измышлений, высказанных таганрожцами в «патриотическом» ажиотаже. Наиболее ценные мысли встречаются у П. Мечетинского. Он правильно отмечал, что Чехов «любил южную степь, тот уголок родного Приазовья, где приютился Таганрог, и много раз возвращался к изображению степной жизни», что в произведениях Чехова можно встретить «то, чем дышал Чехов в юности, что заронилось в него с первыми впечатлениями детства и отрочества и вылилось постом в ряд волшебных картин, пленительных лирических настроений» П. Мечетинский удачно передает впечатление от этих произведений Чехова: «На вас пахнёт очарованием степной жизни, простора, ее грустью и ее красотой».

Можно согласиться с положением Мечетинского об интимно-лирическом характере произведений Чехова о степи: «Здесь Чехов, всегда очень сдержанный и стыдливый, как бы раскрывает всю нежность и глубину своей души». Но явным преувеличением страдает суж-

дение Мечетинского о том, что «лирика Чехова сильнее и ярче всего блещет в тех произведениях, которые окрашены местным колоритом, в которых чувствуется родной юг». Спорным является мнение Мечетинского и других авторов об отражении таганрогских мотивов в произведениях Чехова «Воры», «Бабы» и т. п.

Стоит остановиться еще на полемике между отдельными газетами по вопросу о том, где нужно поставить памятник Чехову.

«Южный край» высказался за сооружение памятника в Таганроге, на родине писателя, а Скиталец в «Газете-копейке» привел другие соображения на этот счет: «Именно потому, что художественная деятельность Чехова захватывала всю русскую жизнь, принадлежала всей России и подарила русской литературе бессмертные сокровища, - обидно и грустно думать, что памятник его, воздвигнутый по всероссийской подписке, будет запятан и заглохнет в каком-то Таганроге».

«Приазовская речь», остро реагируя на эти соображения Скитальца, отстаивала права Таганрога на памятник Чехову: «Именно певцу тоски и серых будней, написавшему столько удивительных страниц о глухой провинции, более всего приличествует соорудить памятник в тихом скромном городе, особенно если этот город - его родина»

ЦГПБ имени А.П. Чехова